

Библиографическій листокъ.

Н. П. Павловъ-Сильванскій. Феодализмъ въ удѣльной Руси. Исслѣдованіе. Спб. 1910.

Замѣчательная работа безвременно скончавшагося два года назадъ молодого ученаго знаменуетъ важный поворотный пунктъ въ нашей исторической наукѣ. Эта книга сокрушила старый предразсудокъ, прочно, къ несчастью, укоренившійся и до сихъ поръ окончательно не исчезнувшій,—идею о полной обособленности русскаго историческаго процесса, и Павлову-Сильванскому пришлось провозгласить свою мысль какъ своего рода ересь. „Мои выводы и наблюденія“—писалъ онъ—„должны показаться совершенно неожиданными для большинства читателей, въ виду утвердившагося въ нашей наукѣ взгляда на полное своеобразіе русскаго историческаго развитія и коренное несходство древне русскаго строя съ феодальнымъ“. Однако, признаетъ самъ изслѣдователь, къ такому рѣшенію этого вопроса подходили, болѣе или менѣе близко, его предшественники—Карамзинъ, Полевой (ему готовилъ обстоятельныя возраженія Пушкинъ, писавшій, „что Россія никогда ничего не имѣла общаго съ остальною Европою, что исторія ея требуетъ другой мысли другой формулы“...), Кавелинъ, Чичеринъ. Все они, необходимо замѣтить, вскользь указывали на тождество тѣхъ или иныхъ феодальныхъ отношеній и институтовъ у насъ и на западѣ, но Павловъ-Сильванскій впервые полно и послѣдовательно провелъ положеніе о „тождествѣ основныхъ началъ строя удѣльной Руси и феодальной Европы“. Взгляды свои покойный ученый послѣдовательно изложилъ въ рядѣ статей: „Закладничество — патронатъ“ („Записки Русск. Археолог. Общ.“ 1897 г., т. XX), „Иммунитетъ въ удѣльной Руси“, „Феодальныя отношенія въ удѣльной Руси“, „Новое объясненіе закладничества“, „Символизмъ въ древнемъ русскомъ правѣ“ („Ж. М. Н. Пр.“ 1900—1905 г.г.). Полною же сводкою высказанныхъ взглядовъ является разсматриваемая книга, издавшая впервые въ 1907 г., но однако еще не представляющая собою окончательно завершеннаго труда и въ настоящемъ изданіи, появившемся уже послѣ смерти автора подъ редакціей А. Прѣснякова. Исслѣдованіе распадается на двѣ части. Въ первой, „Община и боярщина“, Павловъ-Сильванскій охарактеризовалъ сеньеріальныя основы феодализма и показалъ главные черты сходства въ положеніяхъ крестьянства у насъ и на западѣ. Вторая часть, „Феодальныя учрежденія“, посвящена детальному изученію учреждений нашего удѣльнаго строя въ сравненіи съ основными институтами западнаго феодализма. Путемъ сравненій и аналогій (подчасъ, замѣтимъ, безъ соблюденія опредѣленной хронологической перспективы и внѣ специфическихъ географическихъ и историческихъ условій) Павловъ-Сильванскій установилъ тождество между иммунитетомъ и боярскимъ самосудомъ, патронатомъ и закладничествомъ, вассалитетомъ и боярской службою. Нельзя сказать, что самое понятіе о феодализмѣ и необходимыя условія сравнительно-историческаго изученія строго выяснены авторомъ, но нельзя не признать, что покойный ученый, впервые примѣнивъ въ наукѣ оригинальный, самостоятельно выработанный методъ изслѣдованія, не только создалъ новое теченіе, но и далъ рѣшенія нѣсколькихъ трудныхъ вопросовъ нашей исторіи.

Опись документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ Святѣйшаго Правительствующаго Синода, съ указателями къ ней. Дѣла Коммиссіи Духовныхъ Училищъ. 1808—1839 г.г. Спб. 1910.

Историкъ русскаго просвѣщенія найдетъ здѣсь указанія на богатые залежи неисчерпаемыхъ матеріаловъ, хранящіяся безъ малаго въ одиннадцати съ половиною тысячахъ дѣлъ, бывшихъ въ производствѣ Коммиссіи въ теченіе тридцати лѣтъ ея существованія.

Н. О. Лернеръ. Бѣлинскій. Критико-біографическій очеркъ. М. 1910.

У насъ чрезвычайно мало популярныхъ, широкой читательской массѣ доступныхъ книгъ о Бѣлинскомъ. Предстоящій векоръ столѣтній юбилей рожденія великаго критика, вѣроятно, вызоветъ появленіе подобныхъ работъ. Одна изъ нихъ уже передъ нами. Это краткая, но обстоятельная исторія жизни Бѣлинскаго и оцѣнка его роли въ русскомъ самосознаніи и исторіи литературы. „Высокая историческая заслуга Бѣлинскаго“—резюмируетъ авторъ—„кроется въ прозорливости его взглядовъ, въ вѣрномъ критическомъ чутьѣ, въ изощренномъ эстетическомъ вкусѣ, въ страстной любви къ истинѣ, въ пламенномъ темпераментѣ борца“...

„Главные черты, питающіе до нынѣ нашу литературу, неразрывно связаны съ чертами этого „великаго сердца“. Его жизнь, полная страданій и трудовъ, навсегда останется однимъ изъ самыхъ дорогихъ воспоминаній русской литературы; въ ея синодикѣ Бѣлинскій записанъ великомученикомъ. Имя его—одно изъ тѣхъ немногихъ именъ, отъ которыхъ бодрится и крѣпнеть душа. Самая настойчивость, съ которой онъ часто повторялъ однѣ и тѣ же истины, нынѣ кажущіяся намъ такими азбучными и простыми, представляется настоящимъ нравственнымъ подвигомъ. Вліяніе Бѣлинскаго въ русской литературѣ, какъ ни длиненъ путь, пройденный ею отъ сороковыхъ годовъ до нашихъ дней, еще не исчерпано,—но и тогда, когда утратится служебное значеніе истины, за которой